

И. Р. Григулевич

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ЕСТЬ ЛИ У НЕЕ БУДУЩЕЕ?

Антропология выживет в изменяющемся мире, если она позволит себе погибнуть ради того, чтобы возродиться в новом обличье.

Клод Леви-Стросс

Этнографической науке явно не повезло с названием. В отличие от других гуманитарных наук этнография в разных странах называется по-разному, а ее объект и предмет всё еще вызывают оживленные споры и разноречивые суждения среди специалистов¹.

В Соединенных Штатах укоренился термин «культурная антропология», в Англии — «социальная антропология»². В последние годы термин «социальная антропология» все больше завоевывает себе сторонников как в США, так и в странах Западной Европы. Исходя из этого, и мы будем употреблять этот термин для обозначения западной этнографической науки.

Если представители других наук, по образному выражению американского антрополога К. Клакхона, видели в антропологе (здесь и дальше речь идет о социальном антропологе) «грабителя могильников, кол-лекционера индейских стрел, обитающего среди грязных каннибалов»³, то сами антропологи о себе более высокого мнения. Они считают свою науку высшей философией, которая призвана объяснить, почему мир, в котором мы живем, является таким, какой он есть⁴.

По словам К. Леви-Стросса, в «англосаксонских странах антропология стремится к глобальному познанию человека и изучает его во всей его географической и исторической пространственности, стремится к познанию, которое может быть применено к всеобщему развитию человека от гоминидов до современных народов, и ведет к выводам — положительным или отрицательным, но соответствующим всем человеческим обществам, от большого современного города до меланезийского племени»⁵.

¹ История этого вопроса и точка зрения советских ученых изложены в книге: Ю. В. Бромлей, *Этнос и этнография*, М., 1973, стр. 178—213.

² Критику культурной/социальной антропологии советскими учеными см.: сб. «Англо-американская этнография на службе империализма», М., 1951; сб. «Современная американская этнография. Теоретические направления и тенденции», М., 1963; Ю. П. Аверкиева, *Этнография и культурная/социальная антропология на Западе*, «Сов. этнография», 1971, № 5; ее же, *Этнография США и неокOLONиализм*, «Новая и новейшая история», 1972, № 5; ее же, *Об отношении к марксизму в современной этнографии Запада*, «Этнологические исследования за рубежом. Критические очерки», М., 1973.

³ C. Kluckhohn, *Antropología*, México, 1949, p. 20.

⁴ M. J. Herskovits, *El Hombre y sus obras*, México, 1964, p. 9.

⁵ C. Lévi-Strauss, *Antropología estructural*, La Habana, 1970, p. 319.

Эти притязания антропологов на свое собственное философское осмысление и видение человека и общества оказались, как увидит читатель, весьма преувеличенными, хотя и способствовали успеху социальной антропологии в кругах «истеблишмента», которые нашли применение как самой антропологии, так и философскому антропологизму.

Именно поддержкой «истеблишмента» объясняется, почему социальная антропология стала после второй мировой войны быстро растущей, «модной», «нужной» наукой. Особенной популярностью она пользуется в США. За послевоенные годы число членов Американской антропологической ассоциации (объединяющей ученых-специалистов в области физической и социальной антропологии) увеличилось в пять раз и достигло нескольких тысяч чел. Утверждают, что это превышает число ученых этой специальности во всех других странах мира, вместе взятых.

В послевоенные годы во всех крупных университетах США возникли кафедры социальной антропологии, начало выходить около десяти специализированных журналов, посвященных этой науке, в том числе такой авторитетный журнал, как «Current Anthropology», который по существу является международным органом ученых этого профиля.

Многочисленные частные фонды, которыми так изобилуют США, щедро финансируют исследования социальных антропологов во всех уголках земного шара и способствуют их публикации. Услугами антропологов пользуются сегодня Пентагон, Госдепартамент, ЦРУ и другие службы и ведомства правительства США. Все чаще обращаются к их услугам и крупные компании, действующие в странах «третьего мира».

Социальная антропология давно уже вышла за традиционные рамки науки о бесписьменных народах. Современная социальная антропология занимается политическими и экономическими структурами, маргинальными слоями, крестьянским и городским бытом и не только «отсталых» народов, но и высокоразвитых капиталистических обществ.

Однако этот бурный рост, этот успех имеет и свою изнанку, свои издержки. Вот уже несколько лет, как многие антропологи утверждают, что их наука находится в кризисном состоянии. Об этом говорят заголовки докладов и статей. Так, К. Леви-Стросс опубликовал статью под названием «Кризис современной антропологии»⁶, антрополог П. Уорсли назвал свой доклад на VI Международном конгрессе социологов в 1966 г. «Конец антропологии», Д. Д. Берремон выступил в 1968 г. в «Current Anthropology» со статьей «Жива ли антропология?». Таких примеров много.

Речь идет не о том, что в США нет спроса на социальных антропологов или падает интерес к их исследованиям. Наоборот, как мы уже отмечали, в этом отношении все обстоит благополучнее, чем когда-либо в прошлом. Кризис касается идеологических аспектов социальной антропологии. Предметом споров стало отношение антропологов к судьбе исследуемых ими «объектов», к империализму, «истеблишменту», революционным процессам. Антропологи все чаще задают себе вопрос: чьи интересы они защищают — угнетаемых или угнетателей, эксплуатируемых или эксплуататоров; с кем они — с силами социального прогресса и мира или со сторонниками агрессии, холодной войны, антикоммунизма, неокOLONиализма?

Эти вопросы в последние годы широко дебатуются на конгрессах, симпозиумах и страницах специализированных журналов, в частности в журнале «Current Anthropology».

Видное место в этих спорах занимает вопрос об отношении антропологов к колониализму и вопрос, касающийся сотрудничества с властями, ведущими неокOLONиалистскую, империалистическую политику.

⁶ C. Lévi-Strauss, La crise de l'anthropologie moderne, «Le Courrier UNESCO», Paris, 1961, № 11. В русском издании журнала статья озаглавлена менее драматично: «Пути развития этнографии», «Курьер ЮНЕСКО», 1961, ноябрь, стр. 12.

Хотя в американской литературе антрополог иногда изображается как некий безобидный чудаковатый человек со странностями (по словам С. Такса, «нечто среднее между Эйнштейном, занимающимся изучением тайн природы, и артистом варьете»⁷), в действительности он являлся «полезным» винтиком в машине национального и колониального гнета.

К. Клакхон указывает, что знания антропологов о «примитивных» народах были использованы колонизаторами Англии, Португалии, Голландии, Франции. В Голландии колониальные чиновники, направлявшиеся в Ост-Индию (Индонезию), проходили специальный курс антропологических наук. Во Франции антропология преподавалась в Школе колониальных наук. В Англии антропология превратилась чуть ли не в «научную» систему колониального угнетения. Антропологи служили как в Департаменте туземных дел в Лондоне, так и в колониальной администрации на местах, в особенности в африканских колониях и в Индии. Английские колонизаторы широко использовали в своих интересах функционалистскую школу в антропологии, создателем которой был Б. Малиновский⁸.

Сам Малиновский считал, что задача антрополога заключается не в том, чтобы выяснить историю происхождения тех или иных институтов, а чтобы показать их значение в данном обществе и показать это с определенной целью, не ради большей точности описания, но чтобы научить колониальные власти и предпринимателей, имеющих дело с этим народом, как нужно обращаться с ним для более удобного достижения своих целей⁹.

Некоторые английские антропологи очень гордились своей причастностью к колониальному угнетению. Например, небезызвестный С. Ф. Нагель, проводивший антропологические исследования в Нигерии и Судане по поручению английского колониального департамента и занимавший во время второй мировой войны пост секретаря по туземным делам в британской военной администрации в Эритрее, писал в одной из своих работ в 1942 г.: «Утверждается, что современной антропологии суждено оказывать большую помощь колониальным властям, снабжая их знаниями о социальной структуре туземных групп, на основе чего должна создаваться здоровая и гармоничная туземная администрация, как это предусмотрено системой косвенного управления. Разрешите мне сказать, что я принадлежу к числу тех, кто твердо убежден в возможности такого сотрудничества между антропологами и [колониальными] чиновниками»¹⁰.

Английские антропологи занимали ответственные посты в Форин-оффисе, Адмиралтействе, Службе информации, Службе по изучению социальных аспектов войны, а также на фронтах войны. Широко использовались антропологи на Среднем Востоке; антропологом был администратор Англо-Египетского Судана, ответственный за установление связей с «туземцами» Кении и Абиссинии. Антрополог У. Г. Боуер стала известной как «Лоуренс второй мировой войны». Она сумела заручиться доверием племени земи, живущего на территории между Ассамом и Бирмой, и поднять его на борьбу с японцами¹¹.

С такой же откровенностью высказывался и английский антрополог Дж. Б. С. Холдэн. В статье, опубликованной в 1956 г. в «Journal of the

⁷ С. Kluckhohn, Указ. раб., стр. 20.

⁸ Там же, стр. 182—186.

⁹ См.: сб. «Англо-американская этнография на службе империализма», М., 1951, стр. 53.

¹⁰ См. J. Foris, *Pax Britannica and the Sudan: S. F. Nagel*, в кн. *Total Asad* (ed.), *Anthropology and the Colonial encounter*, London, 1974, p. 155. В этой же книге имеются и другие фактические материалы, свидетельствующие об использовании британскими колонизаторами антропологов и их исследований в целях порабощения и эксплуатации туземных народов.

¹¹ С. Kluckhohn, Указ. раб., стр. 187.

Royal Anthropological Institute», он заявлял: «Современная культурная антропология — это побочный продукт колониализма. Она состоит из работ людей почти исключительно европейского происхождения о поведении членов других культурных групп, над которыми они господствовали главным образом вследствие большей эффективности их оружия»¹².

В США правящие круги также использовали в своих интересах эту науку. Антропологи служили в Бюро по делам индейцев при Министерстве внутренних дел США, в Комиссии по рассмотрению исков индейцев. Антропологи принимали участие в колониальном управлении так называемыми «подопечными территориями» США в районе Тихого океана, причем в их обязанности входило: 1) давать рекомендации администрации при проведении в жизнь ее мероприятий и при разрешении возникающих в связи с этим проблем; 2) оценивать успешность и эффективность этих мероприятий; 3) определять исследовательские проблемы, представляющие теоретический интерес для антропологов и практическое значение для администрации¹³.

Еще до первой мировой войны антропологию стали преподавать в Школе для аспирантов по делам управления при Гарвардском университете. Предполагалось, что она вооружит будущих капитанов промышленности средствами, позволяющими избегать классовых конфликтов, налаживать «человеческие отношения» между капиталистами и рабочими. С этой же целью в 1914 г. было организовано Общество прикладной этнографии, начавшее выпускать журнал «Applied Anthropology».

Антропологи преподают в Институте иностранной службы Государственного департамента и в других специализированных учебных заведениях, готовящих кадры для зарубежной работы. Особенно укрепились связи антропологов с «истеблишментом» в годы второй мировой войны.

В солидном учебнике Р. Билса и Г. Хойджера «Введение в антропологию» (первое издание вышло в 1953 г., и с тех пор неоднократно эта работа переиздавалась) на первой же странице в главе «Содержание и предмет антропологии» авторы с гордостью сообщают: «Во время второй мировой войны почти во всех сражениях использовались антропологи и данные, представленные ими. С 1942 г. антропологи принимали участие в подготовке оккупационных военно-морских сил. Некоторое время спустя в колледжах и университетах США антропологи — знатоки языков и обычаев Азии, Африки и южной части Тихого океана — играли ведущую роль в специализированной подготовке особых военных частей, принимавших участие в военных действиях на различных фронтах. Одновременно антропологи, работавшие в разных «медвежьих уголках» земного шара, внесли огромный вклад в деятельность военной информационной службы, Бюро стратегических служб, Совета экономической войны, армейской и флотской разведок и других правительственных служб»¹⁴.

В США, кроме того, антропологов использовали в качестве советников по таким вопросам, как моральное состояние американской армии, расовые отношения в промышленности, психологическая война, вопросы пропаганды. В частности, антропологи резко возражали против отмены

¹² Цит. по «Current Anthropology», 1968, vol. 9, № 5, p. 398.

¹³ G. McGregor, Anthropology in government: United States, в кн. «Yearbook of Anthropology», N. Y., 1955, p. 421—432 (русс. перевод: Г. Мак-Грегор, Этнография в правительственных учреждениях, «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 4, стр. 75—85. См. комментарии к этой статье: Ю. П. Аверкиев, Служебное значение этнографии в США, там же, стр. 67—74).

¹⁴ R. L. Beals, H. Hoijer, Introducción a la antropología, México, 1960, p. 3. Впрочем, антропологи использовались в разведывательных целях и в первую мировую войну (см. F. Boas, Scientists as spies, «The Nation», 1919, № 109, p. 797).

императорской власти в Японии, доказывая, что ее сохранение и подчинение американским оккупационным войскам позволит последним более успешно выполнить свои задачи¹⁵.

Как уже отмечалось, «послевоенный антропологический взрыв» в США объясняется главным образом возросшим использованием антропологов правительственными службами, а именно Пентагоном, ЦРУ и Государственным департаментом, щедро оплачивающими их профессиональные услуги, а также выделением крупных средств рокфеллеровским, фордовским и многими другими «фондами» для антропологических исследований во всех уголках земного шара, не исключая самих США¹⁶. Без такого финансирования не появилось бы на свет подавляющее большинство антропологических исследований, да и не выходили бы антропологические журналы, в том числе и «Current Anthropology», издающийся благодаря щедрости фонда Веннер Грена. Едва ли фонды столь щедро тратили бы свои средства на антропологические исследования, если бы они не приносили определенную и вполне конкретную пользу правящим кругам Соединенных Штатов.

Хорошо известно, что германские нацисты и итальянские фашисты тоже активно использовали антропологов с целью «научно» обосновать свои изуверские расистские измышления.

Известный идеолог американской антропологии М. Херсковиц по поводу этих фактов только разводил руками: что, мол, поделаешь, антропология не единственная наука, которую использовали в целях угнетения или оглушения правящие классы. Честные антропологи, дескать, всегда протестовали против такого использования их науки¹⁷. Однако это не меняет того факта, что в целом фактические данные антропологической науки, как и услуги многих антропологов, использовались колонизаторами и властью имущими в их классовых интересах. Именно этот факт и лежит в основе современного кризиса западной антропологии.

Ведь не случайно по мере возникновения независимых государств и роста национально-освободительного движения в «третьем мире» росла и самокритичность антропологов.

Уже в статье К. Леви-Стросса, опубликованной в «Курьере ЮНЕСКО» в 1961 г., автор отмечал, что к западным антропологам в «третьем мире» общественность относится враждебно по психологическим и этическим причинам¹⁸.

К. Леви-Стросс заявлял, что если антропология желает выжить в условиях этой коллизии с «третьим миром», она «должна изменить саму свою сущность, должна признать, что из логических и моральных соображений почти невозможно продолжать рассматривать общества только как объекты изучения (выделено К. Л.-С.), которые кое-что из ученых хотел бы сохранить. Теперь эти общества стали коллективными субъектами (выделено К. Л.-С.) и требуют прав на нужные им перемены»¹⁹.

Более обстоятельно эти же вопросы были затронуты в статье известного бельгийского антрополога Ж. Ж. Макэ, опубликованной в «Current Anthropology» в 1964 г.

Макэ писал, что до первой мировой войны, согласно писаниям этнологов, у «дикарей» «были странные, если не отвратительные обычаи, они

¹⁵ С. Kluckhohn, Указ. раб., стр. 188—190.

¹⁶ После второй мировой войны антропологов стали использовать крупные капиталистические компании для изучения социальных конфликтов. Возникшая таким образом «индустриальная антропология», как отмечает Клакхон, пытается к капиталистическому обществу приложить методику и методологию, выработанные в полевых условиях в колониях и использованные в прошлом колониальной администрацией (см. С. Kluckhohn, Указ. раб., стр. 205, 206).

¹⁷ М. J. Hershkovits, Указ. раб., стр. 709, 710.

¹⁸ «Курьер ЮНЕСКО», 1961, ноябрь, стр. 16.

¹⁹ Там же, стр. 17.

жили в дологическом мире нелепых предрассудков, их странное поведение, подчиненное инстинктивным импульсам, объяснялось только теорией расовой неполноценности и что, следовательно, их образ жизни был также неполноценным по отношению к цивилизованным европейцам... Колониальная экспансия требовала определенного представления о бесписьменных народах, приемлемого для западного общественного мнения. На более рафинированном уровне этнология поддерживала такие представления»²⁰.

Между двумя мировыми войнами, когда господствовавшие в Африке колонизаторы стремились укрепить свою власть, опираясь на местную феодальную и родо-племенную верхушку, в этом им помогали антропологи. В своих исследованиях по аккультурации они показывали вредность западного влияния на общество и культуру Африки. Высказываясь за сохранение туземных традиций, антропологи тем самым выступали в поддержку колониализма, ибо, как отмечает Макэ, защищаемая ими «консервативная сила традиции представляла меньшую опасность колониальному господству, чем прогрессивные силы, порождаемые промышленным развитием, торговыми городами, средними и высшими учебными заведениями»²¹.

По мнению Ж. Макэ, в колониальный период большинство антропологических исследований, часто невольно и бессознательно, носило «консервативный» характер.

Критические высказывания Макэ встретили широкий отклик среди антропологов. Не отрицал связи антропологии с колониализмом и Леви-Стросс. В статье, также опубликованной в «Current Anthropology» в 1968 г., апостол структурализма Леви-Стросс признавал, что социальная антропология «развивалась на фоне исторического процесса, одной из особенностей которого являлось подчинение большинства человечества его меньшинству и во время которого миллионы ни в чем не повинных человеческих существ подвергались истреблению, ограблению, порабощению и заражению болезнями, от которых не могли защититься, а институты и верования этих людей подвергались уничтожению...

Антропология — дитя этой эры насилия»²².

Антропология, по мнению К. Леви-Стросса, представляет собой науку о культурах, как они видны «извне», и первая задача народов, в которых пробуждается сознание их независимого существования и своеобразия, — это требовать себе право наблюдать «свои культуры «изнутри». Тогда антропология потеряла бы свои специфические черты и превратилась в нечто подобное археологии, истории и филологии.

Народам развивающихся стран, в частности их интеллигенции, народам, которые числились на протяжении десятилетий в реестрах антропологов как «примитивные», «отсталые», «варварские», вовсе не нравится, чтобы их изучали «извне» подобно тому, как натуралист изучает насекомых. Боливийский ученый К. Альба с возмущением говорит о присущем его североамериканским коллегам чувстве превосходства по отношению к объектам своего исследования. Он предлагает именовать этих ученых не этнографами, а «энтомографами»²³.

Антрополог К. Гоуф в статье «Новые предложения для антропологов», опубликованной на страницах все той же «Current Anthropology» в 1968 г., весьма категорично заявляла, что «антропология — это дитя западного империализма. Она уходит корнями в гуманистическое мировоззрение эпохи Просвещения, но как университетская дисциплина и

²⁰ J. J. Maquet, Objectivity in Anthropology, «Current Anthropology», 1964, vol. 5, № 1, p. 50.

²¹ Там же, стр. 49.

²² C. Lévi-Strauss, Anthropology. Its achievements and future, «Current Anthropology», 1968, vol. 9, № 7, p. 126.

²³ «Current Anthropology», 1973, vol. 14, № 5, p. 291 («энтомограф» — по аналогии с «энтомолог» — ученый, занимающийся исследованием насекомых).

современная наука со своими собственными задачами появляется в конце XIX—начале XX в. Это был период, когда западные страны предпринимали последний бросок для подчинения допромышленного незападного мира их политическому и экономическому контролю»²⁴.

Колонизаторов тогда сопровождали миссионеры и антропологи. И те и другие пользовались покровительством первых. И те и другие не знали забот, пока великие державы сохраняли свои позиции в колониях. Теперь же положение коренным образом изменилось, антропологи начинают испытывать трудности, отмечает К. Гоуф. С одной стороны, часть «третьего мира» находится в восстании, в основном против Соединенных Штатов как самой сильной и самой контрреволюционной из западных держав. Война во Вьетнаме, несомненно, обострила до предела чувство возмущения против империалистов. «С другой стороны,—пишет К. Гоуф,—антропологи все в большей степени подвергаются как ограничениям и политическому контролю, так и различным соблазнам со стороны американского правительства и подчиненных ему агентств. Возникает вопрос: что делать антропологу, зависящему от контрреволюционного правительства, во все более революционном мире? Проблема еще более усложнилась с выходом на арену четвертого и самого гололистого сословия — студентов, которые в прошлом мирно «питались» знаниями, а теперь, переживая свои собственные кризисные явления, задают неприятные вопросы об этике, сопричастности и конечных целях антропологической науки»²⁵.

Большинство послевоенных исследований, принадлежащих американским антропологам, указывает К. Гоуф, исходит из ошибочных или сомнительных установок и теорий и встречает все большее осуждение со стороны обществоведов развивающихся стран. В частности, в этих трудах утверждается, что экономическая отсталость может быть объяснена бытующей у туземного населения системой ценностей и его психологическими особенностями; что желательно избежать быстрых «разрушительных» перемен; что антрополог не может занять оценочную позицию, противную официальной политике его страны; что причинность (нищеты, отсталости и т. п.) всегда многообразна; что местная община — подходящая единица для осуществления программ развития; что основной процесс развития происходит через «диффузию» из индустриального центра; что революция якобы не является единственным практическим путем, ведущим к экономическому благосостоянию²⁶.

Другой американский антрополог, Д. Дж. Джонс, отмечает, что, хотя, по его мнению, большинство антропологов не является борцами против коммунизма и придерживается либеральных взглядов, все же нельзя игнорировать тот факт, что результаты их исследований «используются в целях угнетения определенных общественных групп. Судя по всему, в этом заключалась традиционная роль антрополога»²⁷.

Прошло два с половиной года, и эти вопросы вновь стали предметом обсуждения в статье Д. Льюис, озаглавленной «Антропология и колониализм»²⁸. Симптомы кризиса в антропологической науке, пишет автор, проявляются как в полевой работе, так и в университетской аудитории. Все более растет отчуждение между антропологами и небелыми народами, изучением которых они традиционно занимались. Начинаящий полевой исследователь, к примеру, может не получить разрешения

²⁴ K. Gough, New proposal for anthropologists, «Current Anthropology», 1968, vol. 9, № 5, p. 403.

²⁵ Там же, стр. 405.

²⁶ Там же, стр. 406.

²⁷ D. J. Jones, Social responsibility and the belief in basic research: an example from Thailand, «Current Anthropology», 1971, vol. 12, № 3, p. 349.

²⁸ D. Lewis, Anthropology and colonialism, «Current Anthropology», 1973, vol. 14, № 5, p. 571—591.

правительства соответствующей страны на въезд или столкнуться с враждебным отношением со стороны местной интеллигенции. Часто он встречает сопротивление со стороны групп, которые намеревается изучать. Их прежнее доброжелательное отношение к нему сменилось откровенным недоверием и подозрительностью. Когда же полевой работник возвращается домой писать и читать лекции о народе, который он изучал, представители последнего все чаще оспаривают достоверность результатов его исследования.

Традиционный синдром антрополога, сложившийся в результате того, что он играл роль колонизатора, постороннего (outsider) и «объективного» наблюдателя, соответствовал эпохе, уходящей в прошлое, пишет Льюис. Теперь западный колониализм, основанный на «белом превосходстве», находится под ударами революционных освободительных войн и революционных форм мышления. В новых условиях народы Азии, Африки и Латинской Америки, а также этнические меньшинства в Северной Америке постоянно подвергают сомнению добросовестность антрополога, заставляя его критически оценивать себя и пересматривать установки, которые до недавнего времени считались им незыблемыми.

Неприятности, встречающие антрополога «извне», отмечает Д. Льюис, дополняются «изнутри». В Соединенных Штатах начиная с 1960-х годов все больше подчеркивается неспособность антропологов правильно оценивать характер и значение революционных перемен, происходящих в «третьем мире», и извлечь из этого соответствующие уроки для своей науки.

Причины такой «близорукости» Д. Льюис видит в том, что в прошлом колониализм диктовал отношения между антропологами и незападными народами. Полевые исследования были одной из многих привилегий антропологов, которыми они пользовались как члены господствующей группы. Их работа велась в интересах колонизаторов.

Д. Льюис считает, что антропологи, хотя в своем большинстве и не испытывали симпатий к колониальной системе, своими трудами объективно играли ей на руку. В данном случае сказывались идеологическая ограниченность, теоретическая неполноценность и методологическая порочность их установок²⁹. Главный изъян их работ, породивший все прочие, заключался в отсутствии классового подхода к изучению общественных явлений, что не позволило им понять подлинную природу колониализма и империализма, их историческую обреченность. Отсюда и свойственное антропологам пренебрежение марксизмом, методологические установки которого дали бы им ключ к раскрытию движущих сил исторического процесса, позволили бы уяснить закономерности социальных явлений.

Когда антрополог, отмечает Д. Льюис, связывал идеализацию примитивной культуры с понятием культурного детерминизма, его отношение к исследуемому народу становилось патерналистским и двуличным. Характерные черты примитивной жизни, которые антрополог романтизирует и стремится увековечить, отвергаются им для его собственной культуры. Он с энтузиазмом описывает высокоинтегрированную жизнь «примитивов», отсутствие «стресса» при ограниченной свободе выбора, однако он защищает для самого себя право самому принимать решения и делать выбор.

Антропологи, заключает автор, создали понятие «культура», которое в его аналитическом и теоретическом употреблении представляется опасным отражением точки зрения колониального расизма. И антрополог, и колонизатор — оба находят в культурной «уникальности» людей оправдание для увековечения существующего порядка вещей. Значение, которое придают антропологи понятию «культура», может помочь объяснить,

²⁹ D. Lewis, Указ. раб., стр. 291.

почему они столь некритически воспринимали колониальную систему, в рамках которой они действовали.

Нам представляется, что Льюис несколько смещает акценты, утверждая, что современное кризисное состояние социальной антропологии является следствием ее прошлых связей с колонизаторами и порожденного этим обстоятельством недоверия, с которым к представителям этой науки относятся власти и общественность развивающихся стран. Иначе говоря, современным антропологам приходится расплачиваться за старые грехи.

Как бы ни скомпрометировали себя в прошлом сотрудничеством с колонизаторами традиционные школы социальной антропологии, вряд ли общественность стран «третьего мира» и демократические движения индейцев, негров, чиканос и пуэрториканцев в США относились бы к ним с таким недоверием и даже враждебностью, если бы не их нынешняя связь с интересами «истеблишмента» и империализма.

Вот что по поводу этой связи пишет американский антрополог Д. Дж. Иоргенсен: «Хотя правительственные ведомства, в частности Министерство обороны США, в прошлом скептически относились к значению социальных наук, их заказы на социальные исследования постоянно растут. Они требуют информации в политических целях для того, чтобы решать текущие осложнения или предвидеть будущие и своевременно подготовиться к ним. Американские чиновники в зарубежных странах тоже, возможно, пожелают, чтобы антропологи доставали им информацию, которую они сами не в состоянии заполучить. Министерство юстиции, ФБР, местная полиция и другие им подобные органы внутренней безопасности могут потребовать от социальных антропологов и этнологов информацию, которая может быть использована в целях, расходящихся с целями исследователя»³⁰.

Антропологам следует быть готовыми к тому, что такая информация будет от них требоваться во все возрастающем объеме. Автор предупреждает, что добывание ее потребует от антрополога расширить использование специальной аппаратуры, такой, как потайные и направляемые микрофоны, миниатюрные магнитофоны, инфракрасная фотоаппаратура и тому подобные шпионские приспособления, которыми правительственные службы могут бесплатно или на льготных условиях снабжать антрополога и употребление которых ставит перед ним серьезные проблемы этического порядка. Более того, автор не исключает, что в недалеком будущем антрополог будет пользоваться невидимыми зеркалами, гипнозом, наркотиками, контролирующими поведение человека, зашифрованными анкетами и прочими преступными средствами в целях получения информации. В преступных целях могут быть использованы компьютеры»³¹.

Разумеется, далеко не все ученые выступают с критикой колониализма, требуют поддержать освободительное движение и разорвать пуповину, связывающую антропологов с «истеблишментом». Так, например, уже цитированный нами Р. Билс в своей работе «Политика социальных исследований. Вопросы этики и ответственности в социальных науках» возмущен, что среди американских ученых-обществоведов имеется «небольшая, но шумная» группа противников правительственной политики, подвергающих сомнению все мотивации властей. Некоторые из них вообще считают правительство преступным. Они отрицают возможность, что правительство или его политика могут в будущем в целом пользоваться поддержкой большинства населения или что на них может в положительном смысле оказать влияние общественное мнение или более

³⁰ J. G. Jorgensen, On ethics and anthropology, «Current Anthropology», 1971, vol. 12, № 3, p. 326.

³¹ Там же, стр. 326, 327.

совершенная информация. Некоторые даже сомневаются, следует ли публиковать результаты исследований, которыми может в аморальных целях воспользоваться свое собственное или какое-либо другое правительство. Эти «нигилисты» готовы тратить в неограниченном количестве правительственные средства на исследования, но отказываются от какого-либо сотрудничества с правительством³².

Главный аргумент Билса заключается в том, что отказ ученых от сотрудничества с правительством приведет к захирению науки, якобы воспрепятствует достижению основной цели научных исследований — накоплению знаний для их конечного полезного использования.

Но что стоит за этими общими фразами, в чем существо спора между сторонниками и противниками сотрудничества с «истеблишментом»? Было бы действительно нелепо и смешно в XX в. требовать от антропологов замкнуться в некую «башню из слоновой кости», отказаться от сотрудничества с любым правительством, исходя из анархистского или «нигилистического» понимания его сути как воплощения «абсолютного зла». Правительство правительству рознь. Никто не станет отрицать желательность и даже необходимость сотрудничества зарубежных антропологов и ученых стран «третьего мира» с правительствами этих стран, за исключением расистских или «горилльских» режимов типа ЮАР или Гаити. В большинстве стран «третьего мира» не возникает проблема «несовместимости» целей и задач антропологов, стоящих, разумеется, на позициях антиколониализма местных правительств. Не возникает она и в Советском Союзе и других странах социалистического содружества, где этнография отстаивает принцип равноправия, дружбы и взаимопомощи народов независимо от их численности и цвета кожи.

С другой стороны, с особой остротой вопрос о «совместимости» интересов антропологов и политики правительства возникает в США. К тому имеются совершенно конкретные причины. Их следует искать во внутренней и внешней политике правящих кругов этой страны. Что касается внутренней политики, то достаточно упомянуть «взрывчатое» положение среди таких групп американского населения, как негры, индейцы, чиканос, пуэрториканцы, являющиеся традиционными объектами исследований антропологов. Что дало этим группам сотрудничество антропологов и правительства? В целом ничего положительного. Если эти группы сегодня имеют несколько больше прав, чем в прошлом, то в этом заслуга не антропологов, а демократических, прогрессивных, революционных движений, представляющих интересы этих отверженных и борющихся за них. Следует ли удивляться, что у честных антропологов этот факт вызывает протест, приводит их к активной оппозиции против «истеблишмента», который они с полным основанием считают ответственным за бедственное положение их подопечных?

Перейдем теперь к вопросам внешней политики. Использование антропологов Пентагоном, ЦРУ и Государственным департаментом в многолетней агрессивной войне против вьетнамского народа и в целях подавления национально-освободительных движений в странах «третьего мира» вызвало протест и возмущение как в их собственной среде, так и в странах, ставших жертвами агрессивных действий американского империализма. Всем известны попытки Пентагона и ЦРУ использовать знания антропологов для борьбы с партизанским движением. Чтобы покончить с одним партизаном, нужно мобилизовать против него 10 солдат, утверждали ранее спец Пентагона; теперь же они считают, что антропологи справятся с этой задачей лучше, чем солдаты, ибо ученые подскажут «мирные» и поэтому более эффективные и дешевые средства для оглушения отсталой туземной крестьянской мас-

³² R. L. Beals, Politics of social research: an inquiry into the effectiveness and responsibilities of social science, Chicago, 1969, p. 151.

сы, на которую опираются или рассчитывают опереться партизаны. Американские антропологи были привлечены к осуществлению проекта «Эйджил» (Agil) — широкого антиповстанческого обследования, которое активно проводилось в Боливии, Таиланде и других странах³³. По поручению Пентагона и ЦРУ они участвовали в создании скандальных «социологических» проектов «Камелот», «Симпатики» и им подобных, целью которых была выработка более действенных мер по борьбе с национально-освободительным движением. А разве не этой же цели служили мудреные «наиновейшие» антропологические теории, такие, как «культура нищеты» О. Льюиса, перекладывавшая ответственность за нищету социальных низов с власть имущих на самих обездоленных? Объективной наукой, да вообще наукой, здесь и не пахло. Антрополог, использующий свои знания в целях закабаления народов, уподобляется врачу, участвовавшему в преступных экспериментах в нацистских концлагерях или дающему советы охранке, как «по-научному» пытать допрашиваемую жертву.

Сказанное подтверждает марксистский тезис о партийности общественных наук, в их числе социальной антропологии. Беспартийных, надпартийных общественных наук в природе не бывает. Любая общественная система, теория, схема, модель, формула объективно носит классовый характер, служит определенным классовым интересам, независимо от субъективного желания ее автора или последователя. Пока антропология являлась хобби состоятельных джентльменов и увлечением одиночек, могло показаться, что она служит научной истине и только ей одной. Но по мере того как антропология превращалась в «законную» отрасль общественных наук, ее классовый характер проявлялся все заметнее и четче. Мы вовсе не считаем всех антропологов-немарксистов реакционерами и прислужниками империализма. Более того, мы полагаем, что и среди американских антропологов они составляют меньшинство. Об этом, в частности, свидетельствуют комментируемые нами статьи в «Current Anthropology». Большинство членов Американской ассоциации антропологов в свое время осудило вьетнамскую войну, многие антропологи осудили проекты типа «Камелот», отвергли «культуру нищеты» О. Льюиса³⁴.

Но именно наличие этих взаимоисключающих тенденций и направлений в антропологии подтверждает тезис о классовом характере этой науки.

Д. Льюис считает, что для превращения антропологии в «полезную науку» необходимо радикальным образом изменить ее социальные установки, методологию и цели. Антропологи должны учитывать мнения и интересы исследуемых ими групп и народностей. Действительность они должны воспринимать многопланово. Понятие единственно верного, объективного знания должно уступить место «перспективному» знанию, которое не претендовало бы на познание целого и рассматривало действительность с особенной, «экзистенциалистической» позиции, занимаемой наблюдателем. Скажем прямо, эти и другие высказывания автора, касающиеся новых методологических основ антропологии, не совсем ясны и требуют еще, как у нас принято говорить, дальнейшей доработки и уточнений.

Более четко автор формулирует свою мысль, когда выдвигает идею создания «активистской антропологии». Льюис заявляет: «Если антро-

³³ См. «Current Anthropology», 1968, vol. 5, № 5, p. 427; Там же, 1973, vol. 14, № 5, p. 567, 568.

³⁴ См. J. L. Horowitz (ed.), The rise and fall of Project Camelot: studies in relationship between social sciences and practical politics, Cambridge, 1967; Ch. Valentine, Culture and poverty. Critique and counter proposals, Chicago, 1968; E. Leacock (ed.), The «culture of poverty», N. Y., 1971; «Anthropology and world affairs as seen by USA associates», «Current Anthropology», 1964, vol. 5, № 5.

пология желает соответствовать действительным нуждам и интересам народов, изучаемых ею, а не личным и профессиональным интересам дисциплины и ее представителей, она должна стать на определенном уровне откровенно (выделено Д. Л.) активистской и ангажированной наукой, порождающей социальных ученых — сторонников радикальных перемен»³⁵.

Автор просит не смешивать «активистскую» антропологию с традиционной прикладной антропологией, представители которой известны в странах «третьего мира» как самые откровенные поборники колониальной и неоколониальной систем³⁶.

По мнению автора понятия «активистская антропология», следует учесть положительный опыт европейских антропологов, работающих на материале своих собственных стран, и представителей «туземной» антропологии, а точнее, местных антропологов стран «третьего мира». И те и другие действуют более «независимо» от эксплуататорских интересов и поэтому в большей степени заинтересованы приносить реальную пользу своим народам.

Рассуждения Д. Льюис напоминают призыв С. Такса более чем двадцатилетней давности создать «антропологию действия» (action anthropology), который не получил широкой поддержки³⁷.

Статья Д. Льюис была послана 50 антропологам на отзыв. Из 9 стран откликнулись 19 ученых. Их ответы напечатаны в журнале «*Current Anthropology*». Почти все ученые, солидаризируясь с основными положениями комментируемой статьи, вносят свои предположения и дополнения. К. Альба (Боливия), например, разделяет мнение Д. Льюис о том, что антрополог обязан быть сторонником радикальных перемен. Но это означает, указывает он, что исследователь должен обладать определенной идеологией. Если он сторонник перемен, то обязан объяснить их содержание и характер. К. Бертольд (Канада) в свою очередь считает, что критическая антропология должна опираться на радикальную теорию. К. Дж. Окойе (Нигерия) поддерживает почти каждую фразу в статье Д. Льюис. М. Овусу (США) напоминает, что симбиотическая связь западного ученого мира с господством Запада над незападными народами теперь полностью установлена.

В том же номере «*Current Anthropology*» помещена статья Д. Уиллнер «Антропология: призвание или товар»³⁸. Автор ее, как и Д. Льюис, озабочен кризисным состоянием американской социальной антропологии. Уиллнер предлагает разделить антропологию на науку «по призванию», т. е. независимую от работодателей, и науку-товар, за которую платят и которая служит интересам «истеблишмента». Хотя такое размежевание нам кажется трудноосуществимым, нельзя не приветствовать искреннего стремления Д. Уиллнер отказаться от подчинения антропологии интересам господствующих классов.

Каковы же выводы, о чем свидетельствуют приведенные выше высказывания американских антропологов? В первую очередь о банкротстве старых идейных установок этой науки, превращавших, как правило, ее представителей в служителей внутренних и внешних интересов «истеблишмента».

Представители американской официальной антропологии не скупятся на широковещательные декларации о пользе этой науки для современного человечества. Так, Клакхон, к слову сказать, подвизавшийся

³⁵ «*Current Anthropology*», 1973, vol. 14, № 5, p. 589.

³⁶ Эта точка зрения совпадает с мнением другого американского антрополога — Дж. Мура, выдвинувшего еще в 1971 г. идею создания «партизанской» антропологии (J. Moore, Perspective for a partisan anthropology, «*Liberation*», 1971, № 16, p. 34—43).

³⁷ См. советский отклик на выступление С. Такса: Ю. П. Аверкиев, Служебное значение этнографии в США, стр. 72, 73.

³⁸ D. Wyllner, Anthropology: vocation or commodity? «*Current Anthropology*», 1973, vol. 14, № 5, p. 547—555.

и на поприще советологии (он был директором Центра русских исследований при Гарвардском университете), писал, что «антропология дает научную основу для изучения важной проблемы, стоящей перед современным миром: как непохожие народы, говорящие на непонятных друг другу языках и придерживающиеся разных образов жизни, могут жить в мире?»³⁹

Увы, социальная антропология в силу своей причастности к буржуазному обществоведению не может дать людям больше того, чем она располагает. Сам Клакхон вынужден был признать на заключительных страницах своей работы: «Эффективность современной антропологии весьма ограничена. Существует пропасть между ее программой и результатами. Главная сила антропологии заключается скорее в том, что она правильно формулирует некоторые вопросы, чем в том, что она дает на них правильные ответы»⁴⁰.

Следует ли удивляться, что как прогрессивные круги самих США, так и народы «третьего мира», вставшие на путь независимости, отвергают идейные установки традиционных американских антропологических школ, считая эти установки непригодными для потребностей молодых государств, освободившихся от оков колониализма. Этими обстоятельствами, собственно говоря, и вызван нынешний кризис социальной антропологии.

Очевидно и то, что кризисное состояние породило острую идеологическую борьбу, в среде социальных антропологов, фактически раскололо их на два лагеря: на служителей «истеблишмента» и на сторонников «ангажированной» (активистской) антропологии, выступающих с позиций признания политической реальности «третьего мира» и пытающихся смыть с себя позорное пятно пособников империализма. Хотя сторонники ангажированной антропологии еще только вырабатывают свои идейные и методологические установки и между ними имеются существенные различия в оценке тех или других проблем, в целом они стоят на прогрессивных позициях. На наш взгляд, именно им и принадлежит будущее в социальной антропологии.

Антропология не умерла, утверждает другой американский антрополог — Дж. Дж. Берреман. Дело только в том, что ее традиционные жрецы не желают быть «ангажированными». Если они преуспеют, она может погибнуть. Их наука касается человека, и хотя они пытаются избежать вовлечения в борьбу, — их стремление безнадежно. Они уже ангажированы, хотят того или нет. Вопрос не стоит: «буду ли я вовлечен?», а «как могу я быть вовлечен таким образом, чтобы это соответствовало моему гуманизму?»⁴¹

«Антропология, — вещал К. Леви-Стросс в одной из своих статей в 1968 г., — выживет в изменяющемся мире, если она позволит себе погибнуть ради того, чтобы возродиться в новом обличье»⁴².

Каково же должно стать это «новое обличье» западной антропологии, признанное возродить ее? Будет ли оно заключаться в том, что она начнет относиться с равным уважением ко всем культурам мира и зафиксирует последний вздох последнего «примитива» до его поглощения западной цивилизацией, как считает тот же Леви-Стросс, или в том, что она превратится в «ангажированную», «активистскую» науку, как предлагает Д. Льюис, которая будет спасать этого «примитива» или другие объекты своего исследования, опираясь только на свои собственные силы, на «самое себя»?

³⁹ С. Kluckhohn, Указ. раб., стр. 11.

⁴⁰ Там же, стр. 281.

⁴¹ G. D. Berreman, Is anthropology alive? Social responsibility in social anthropology, «Current Anthropology», 1968, vol. 9, № 5, p. 395.

⁴² «Current Anthropology», 1968, № 7, p. 126.

На наш взгляд, будущее антропологии не только в этом, но и в тесном сотрудничестве ее представителей в интересах социального и научного прогресса, мира и дружбы народов, с позиций непримиримости по отношению к империализму, старому и новому колониализму.

SOCIAL ANTHROPOLOGY: HAS IT A FUTURE?

Social anthropology has in many countries, and particularly in the United States, become a fashionable science. It has overstepped the traditional boundaries confining it to the study of peoples possessing no written language and deals also with political and economic structures, with the rural and urban life of highly developed capitalist societies.

At the same time, a number of bourgeois anthropologists affirm that their science is in a state of crisis. This crisis concerns the ideological aspects of social anthropology; it is engendered by the fact that the anthropologists' skills have long been utilized by the colonialists of European countries and by the ruling circles of the United States. This situation gives rise to objections on the part of the peoples of developing countries, as well as of progressive circles within the U. S. This, in its turn, induces anthropologists to revise certain propositions that have hitherto appeared immutable.

The future of anthropology lies in the close mutual collaboration of its representatives in the interests of social and scientific progress, of peace and friendship between peoples from the standpoint of an uncompromising attitude against imperialism, against colonialism old and new.